

СССР и Восточная Европа в конце Второй мировой войны: трактовки американской историографии

О. В. Рычкова

Исследование выполнено в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (государственный контракт № П323 от 28.07.2009 г.).

Статья посвящена восприятию американскими авторами внешней политики Советского Союза в контексте Восточной Европы. Анализируются американские трактовки советского участия в политических процессах в данном регионе, характеризуются позиции советской дипломатии в отношении восточноевропейского фактора на международных конференциях.

Ключевые слова: международные отношения, Вторая мировая войны, историография, Восточная Европа.

The USSR and Eastern Europe in the End of the Second World War: Treatments of the American Historiography

O. V. Rychkova

The article is devoted to perception by American authors the foreign policy of the Soviet Union in a context of Eastern Europe. The American interpretations of the Soviet participation in political processes in the given region are analyzed, positions of the Soviet diplomacy concerning the East European factor at the international conferences are characterized.

Key words: the international relations, World War II, historiography, Eastern Europe.

Среди наиболее значительных событий XX века особое место занимает Вторая мировая война. Поэтому вряд ли обоснованны сомнения в необходимости изучения и переосмысления истории сотрудничества СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции в тот период, когда сознание народов запечатлеvalo не только подробности военных операций, но и обстоятельства политического урегулирования возникавших проблем и саму атмосферу союзнических отношений. В контексте событий финальной стадии войны особую остроту приобрел вопрос о настоящем и будущем стран Восточной Европы. Важность изучения этой проблемы обусловлена не только особой ролью региона в становлении новой миросистемы, но и значительным, тогда еще неопределенным местом в ней восточноевропейских государств. Это обстоятельство определяло заинтересованность американцев и русских в Польше, Венгрии, Румынии и Чехословакии, их внимание к геополитическому значению региона в связи с обозначившимся мироразделом, а также разнообразие подходов к степени допустимого (с американской точки зрения) советского участия во внешне- и внутривосточных процессах в названных странах.

Общая роль Восточной Европы в выборе внешнеполитических ориентиров США в годы Второй мировой войны нашла существенное отражение в американской историографии. В целом следует отметить ведущую тенденцию – отводить Восточной Европе центральное место при

выявлении причин происхождения «холодной войны» [1].

Сторонники политического реализма, утвердившегося в американской историографии в послевоенные десятилетия, часто вспоминали о труде Х. Болдуина «Великие ошибки войны», вышедшем в свет в 1949 г., в котором автор говорит об ответственности администрации США за недостаточное внимание к Восточной Европе, что в конечном итоге привело к потере этого региона американцами [2]. В дальнейшем и другие авторы обосновывали особую стратегическую заинтересованность Соединенных Штатов в данном регионе угрозой советского экспансионизма.

Авторы, представляющие «официальное» направление (Р. Даллек, Дж. Бернс и др.), в целом выступают в защиту американской военно-политической стратегии в Восточной Европе, аргументируя свои выводы принципами Атлантической хартии [3; 4]. Что касается роли США в политических процессах в этом регионе, то точка зрения, сформулированная Г. Фейсом, классиком «официальной» школы, основывалась на отрицании какого-либо американского участия во внутривосточных процессах в Восточной Европе. Исследователь утверждает, что США выступали исключительно в роли наблюдателей и не вмешивались в дела Восточной Европы [5], «просто-душно ожидая послевоенной гармонии» [6].

Что касается результатов советского участия во внутренних процессах в Восточной Европе, то

наибольшее распространение получила версия об отказе леворадикальных сил от демократии и переходе к «тоталитарным» формам правления. Ставя под сомнение естественность установленных в конце войны режимов в Восточной Европе, некоторые исследователи рассматривают итоги Второй мировой войны как «поражение всей западной цивилизации», в результате чего Европа была обращена в коммунизм [7].

Другая позиция, связанная с оправданием действий советской стороны, представлена Ч. Гати. Автор, оспаривая многие утверждения своих соотечественников, пытается разграничить понятия «сателлизация» и «советизация». По его мнению, сателлизация имеет конечной целью реализацию внешнеполитических задач (автор определяет окончание этого периода 1947–1948 гг.), а советизация включает в себя «подражание и даже дублирование советской модели во внутренних делах» (этот этап исследователь начинает, соответственно, с 1948 г.) [8]. Таким образом, автор невольно оправдывает поведение советской стороны в конце войны необходимостью решения вопросов национальной безопасности.

Линия оправдания советского курса основывалась на подборе фактов, указывающих на то, что Сталин не ставил цели установления власти коммунистов в Восточной Европе. Критика тезиса о советском вмешательстве была представлена такими известными историками, как У. Кимболл, Э. Мёрк [9; 10]. У. Уильямс, классик радикально-критического направления американской историографии, например, считал, что активность СССР при формировании органов власти в странах Восточной Европы была результатом реакции Москвы на отношение Вашингтона к соглашению Черчилля – Сталина по Балканам [11].

Наиболее остро продолжил критику М. Леффлер [12]. Например, используя широкий круг как американских, так и советских документов, он сделал вывод об отсутствии у Кремля стремления к советизации восточноевропейских стран. По его мнению, советская внешняя политика в этом регионе базировалась на геополитических концепциях безопасности [13; 14].

Обращаясь к проблеме Восточной Европы в американо-советских отношениях, авторы радикально-критического направления, как правило, оперировали постулатами безопасности Советского Союза, отдавая должное стремлению русских создать «буферные государства» с целью защиты от вторжений с Запада [15; 16; 17]. Наиболее убедителен в такой аргументации профессор Д. Флеминг: «Естественно, это никогда не может быть в полной мере понято сытым американцем,

сидящим в своем неповрежденном доме. Он смог бы до конца понять это, если бы Соединенные Штаты были так же разорены от Атлантики до реки Миссисипи с 15 млн убитых, вдвое большим числом оставшихся без крова и 60 млн подвергнутым жестоким опытам, которые изобрел фашистский ум. Только тогда мы смогли бы действительно представить русские настроения в отношении грозящей им опасности от будущего нападения через Восточную Европу» [18]. М. Леффлер также сделал вывод о том, что стремление к контролю над Восточной Европой у Советского Союза базировалось в годы войны лишь на геополитических аспектах безопасности, без намерения советизации данного региона [19].

Те же самые радикалы выступили и с критикой действий американской стороны. Так, Г. Колко отмечал, что американское руководство было одержимо идеей восстановления старой «модели» Восточной Европы, построенной на «союзе атактистических сил империализма и национализма» [20]. Эту мысль развивал Г. Алпровиц, указывая в качестве «главной задачи США» «создание ориентирующихся на Запад правительств» [21].

Критику американского руководства продолжили представители современного поколения ревизионистского направления исторической мысли, хотя с иной позиции. В соответствии с логикой Р. Низбета и Б. Коврига, например, правительство США пошло на поводу у Советского Союза, чем подтолкнуло Восточную Европу в объятия коммунизма [22; 23]. По мнению этих авторов, именно преступное непонимание целей СССР привело к тому, что общественность США долгое время питала иллюзии в отношении Советского Союза.

Таким образом, общим для всех течений американской исторической мысли является зафиксированное или молчаливое признание наличия советского фактора в решении политических вопросов в Польше, Венгрии, Румынии и Чехословакии.

Многофакторность проблемы утверждения коммунистической идеологии в Восточной Европе потребовала ее структурного анализа. Наиболее обстоятельную, хотя и небесспорную попытку в этом плане предпринял Чарльз Гати. Основные этапы утверждения коммунистического мировоззрения в Восточной Европе автор рассматривает в терминах «коммунистической атаки». Сначала коммунистические партии в странах Восточной Европы имели тенденцию к сотрудничеству с другими партиями в пределах

коалиционных правительств с целью мобилизации всех ресурсов для продолжения войны против Германии. Затем многопартийные правительства уступили место псевдокоалиции, в которой коммунистические партии, уже являясь преобладающей силой, все-таки учитывали позиции некоммунистов. Это делалось с целью «умиротворения» Запада и внутренней критики. Заключительный этап был связан с «процессом законченной социализации», содержание которого сводилось к захвату командных высот в управлении государством и формированию монолитных коммунистических партий [24]. Гати справедливо подчеркивает и национальную специфику установления коммунистических режимов. Вопрос длительного существования многопартийного правительства в Венгрии (до 1947 г.) исследователь объясняет сталинскими соображениями «уважения к западной чувствительности» [25]. В Болгарии и Румынии быстрое утверждение коммунистов в правительстве было связано со стремлением избежать победы некоммунистических сил [26; 27].

Проблема финальных конференций Второй мировой войны в ракурсе Восточной Европы и по сегодняшний день является объектом внимания историков. Этот интерес определяется судьбоносной ролью этих событий в мировой истории, противоречивостью их итогов и характеризуется поляризацией оценок результатов конференций.

Положительная в целом оценка Ялты присутствовала в работах представителей радикально-критической школы, которые, уделяя значительное внимание субъективному фактору, подчеркивали особое значение личной дипломатии [28]. Как полагает Дж. Уорнер, политика Рузвельта накануне Ялты исходила из признания отсутствия угрозы американским интересам [29]. Обе оценки представляются упрощением позиции президента и не совсем соответствуют фактам. Рузвельт, очевидно, сознавал, что быстрого решения всех проблем достичь не удастся, и полагал, что преодоление разногласий потребует взвешенного соблюдения баланса интересов всех членов «Большой Тройки».

Историки «официальной» школы также склонны считать позицию Рузвельта весьма реалистичной. По мнению У. Гербердинга, Ялта стала апогеем убежденности президента в необходимости послевоенного сотрудничества США – СССР [30]. Эта теория разделяется и рядом других авторов, отмечающих умение президента находить компромиссные решения и разрешать

спорные вопросы относительно Восточной Европы на основе равноправия [31; 32; 33].

Критика Ялтинской встречи наиболее полно представлена «ревизионистами». Исследователи этой школы признают, что проблемы Восточной Европы во время Ялты для американской дипломатии были вторичными по отношению к советскому участию в ООН и вступлению СССР в войну против Японии [34; 35; 36; 37]. Критика результатов Крыма ведется ими по всем направлениям, включая как общую политическую стратегию, так и избранную американской стороной тактику. Автор одной из таких работ Дж. Крокер пишет: «Таявший на глазах и медленно уходящий из жизни президент был подавлен; его обманывали при каждом случае; он мог лишь изрекать бессмысленные штампы и рассыпаться в пустых комплиментах в присутствии диктатора». Крокер считает, что Ялта была «моральным разгромом, таившим невообразимое зло для мира» [38]. Дж. Гантер упрекает администрацию США в недооценке политических последствий принимаемых решений в отношении Восточной Европы, в результате чего англо-американская сторона потерпела «серьезное поражение» [39].

Оценки представителей школы «политического реализма» в целом сводились к тому, что ялтинские решения были изначально обречены на провал и являлись невыгодными для США. Дж. Кеннан, например, пишет: «Если нельзя сказать, что западные демократии получили очень многое от своих разговоров с русскими, было бы также неверно сказать, что они очень много отдали. Утверждение власти советов в Восточной Европе... не было результатом этих переговоров; это был результат военных операций на заключительном этапе войны» [40].

Можно согласиться с мнением Дж. Гэддиса о том, что консервативно-изоляционистская мысль США, рассматривая политику Ялты, проявила непонимание сути внешнеполитических целей СССР [41]. Одним из итогов работы этой группы историков, по его мнению, стало утверждение версии о расколе Европы [42], или, в иной интерпретации, «мирного сосуществования империй» во главе со сверхдержавами [43].

Количественно историография Берлинской встречи уступает Ялте, но в содержательном отношении она характеризуется более значительным зарядом критики. «Ревизионисты» оценили Потсдамские решения как «роковую ошибку» Запада, которая «расчленила мир на сферы влияния», что усилило гегемонию СССР в Восточной Европе» [44]. Например, Ч. Ми пишет о том, что

«в конце конференции они [лидеры трех стран. – *О. Р.*] подписали не мирный договор, которого от них ожидала пресса, а нечто похожее на трехстороннюю декларацию о «холодной войне» [45].

Оценка Потсдамской встречи «политическими реалистами» очень похожа на их критику Ялты. Кеннан, например, в своих мемуарах писал: «Не могу припомнить, чтобы еще какой-то политический документ произвел на меня более тяжелое впечатление, чем коммюнике, завершившее все эти путанные и нереалистические дискуссии, под которым поставил подпись президент Трумэн» [46].

Представители «официального» направления хотя и пишут о том, что конференция не внесла сколько-нибудь существенного вклада в решение проблем послевоенного устройства Восточной Европы [47], тем не менее, в большинстве воздерживаются от резкой критики саммита. Даются и позитивные оценки. Например, Г. Дракс делает вывод об «успехах» американской дипломатии в сдерживании советских претензий [48]. Двойственная оценка представлена в книге Г. Фейса «Между миром и войной», получившей Пулитцеровскую премию: «Потсдамские соглашения не являлись – ни по замыслу, ни по его воплощению – ни справедливыми, ни жестокими», они оказались неподходящими для того, чтобы перекинуть мост «между войной и миром» [49].

Представители радикально-критического направления, введя в оборот новые факты, ставили в упрек администрации Трумэна нежелание сотрудничать с русскими, признать сложившееся соотношение сил как в мировом масштабе, так и в Восточной Европе, попытки воспользоваться монополией на атомную бомбу при решении вопросов послевоенного устройства мира [50].

Анализируя восточноевропейскую тематику периода Второй мировой войны в исторической науке, можно констатировать, что американская историческая мысль в отношении восточноевропейского фактора в советско-американских отношениях выработала два подхода – осуждающий и/или допускающий советское влияние в регионе. Разделение позиций американских историков связано прежде всего с их политической ориентацией (консервативная и либеральная традиции). Главным пробелом в исторической мысли США стало недостаточное внимание к учету общественного мнения той и другой сторон, а также отсутствие разработок восточноевропейских сюжетов.

Примечания

1. Fleming, F. D. The Cold War and Its Origins. 1917–1960 [Text]: in 2 v. Vol. I. / F. D. Fleming. – N.Y.; L.: Praeger, 1960.
2. Baldwin, H. W. Great Mistakes of War [Text] / H. W. Baldwin. – N.Y.: Harper, 1949. – P. 45.
3. Dallek, R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945 [Text] / R. Dallek. – N. Y.: Oxford University press, 1979.
4. Burns, J. Roosevelt: The Soldier of Freedom [Text] / J. Burns. – N.Y.: Harcourt Brace Jovamovich, 1970.
5. Feis, H. From Trust to Terror. The Onset of the Cold War. 1945–1950 [Text] / H. Feis. – N.Y.: Norton, 1970. – P. 49.
6. De Santis, H. Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947 [Text] / H. De Santis. – Chicago: University of Chicago, 1980. – P. 129.
7. Hobbs, R. The Myth of Victory: What is Victory in War [Text] / R. Hobbs. – Boulder: Westview, 1979. – P. 235.
8. Gati, Ch. The Bloc That Failed. Soviet-East European Relations in Transition [Text] / Ch. Gati. – Blomington: Indiana University Press, 1990. – P. 10.
9. Kimball, W. Naked Reverse Right: Roosevelt, Churchill and Eastern Europe From TOLSTOY to Yalta and a Little Beyond [Text] / W. Kimball // Diplomatic History. – 1985. – Vol. 9. – № 1.
10. Mark, E. American Policy Toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation [Text] / E. Mark // Journal of American History. – 1981. – September. – Vol. 68.
11. Williams, W. A. American-Russian Relations, 1781–1947 [Text] / W. A. Williams. – N.Y.: Rinehart a, Co., 1952. – P. 274.
12. Leffler, M. Adherence to Agreements. Yalta and the Experiences of the Early Cold War [Text] / M. Leffler // International Security. – 1986. – Vol. 11. – № 1.
13. Leffler, M. Inside Enemy Archives: The Cold War Reopened [Text] / M. Leffler // Foreign Affairs. – 1996. – July – August. – Vol. 75. – № 4. – P. 123-125.
14. Leffler, M. The Cold War: What Do «We Now Know»? [Text] / M. Leffler // American Historical Review. – 1999. – April. – Vol. 104. – № 2. – P. 514-516.
15. Adelman, J. R., Palmeri D. A. The Dynamics of Soviet Foreign Policy [Text] / J. R. Adelman, D. A. Palmeri. – N.Y.: Harper & Row, Publishers Inc., 1989. – P. 104.
16. Weisberger, B. Cold War Cold Peace: The United States and Russia since 1945 [Text] / B. Weisberger. – N.Y.: American Heritage, 1985. – P. 29;

17. Rothschild, J. Communist Eastern Europe [Text] / J. Rothschild. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1964. – P. 6.
18. Fleming, F. D. Op. cit. – P. 250-257.
19. Leffler, M. Inside Enemy Archives: The Cold War Reopened [Text] / M. Leffler // Foreign Affairs. – 1996. – July – August. – Vol. 75. – № 4. – P. 122-125.
20. Kolko, G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943-1945 [Text] / G. Kolko. – N.Y.: Random House, 1968. – P. 618-620.
21. Alperovitz, G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power [Text] / G. Alperovitz. – N.Y.: Simon a, Schuster, 1965. – P. 125.
22. Kovrig, B. The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941 [Text] / B. Kovrig. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973.
23. Nisbet, R. Roosevelt and Stalin: The Failed Courtship [Text] / R. Nisbet. – Wash.: Regnery Gateway, 1988.
24. Gati, Ch. Op. cit. – P. 10.
25. Ibid. – P. 11.
26. Ibidem. – P. 10-11.
27. Rakowska-Harmstone, T. Communism in Eastern Europe [Text] / T. Rakowska-Hazmstone, A. Gyorge. – Bloomington-L.: Indiana University Press, 1979. P. 147.
28. Clemens, D. Sh. Yalta [Text] / D. Sh. Clemens. – N.Y.: Oxford University Press, 1970.
29. Warner, G. From Teheran to Yalta: Reflections on FDR's Foreign Policy [Text] / G. Warner // International Affairs. – 1967. – July. – P. 535.
30. Gerberding, W. P. F. D. Roosevelt's Conception on the Soviet Union in World Politics / Ph. D. diss. [Text] / W. P. Gerberding. – Chicago, 1959. – P. 246.
31. Dallek, R. Op. cit.
32. De Santis, H. Op. cit.
33. Burns, J. M. Op. cit.
34. Kovrig, B. Op. cit. – P. 31.
35. Nye, J. S. The Making of American's Soviet Policy [Text] / J. S. Nye. New Haven-L.: Yale University Press, 1984. – P. 188.
36. Higgins, T. Soft Underbelly. The Anglo-American Controversy Over the Italian Campaign, 1939–1945 [Text] / T. Higgins. – N.Y.: Macmillan, 1968. – P. 101.
37. Kimball, W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman [Text] / W. F. Kimball. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – P. 96-97.
38. Crocker, G. N. Roosevelt's Road to Russia [Text] / G. N. Croker. – Chicago: Ragnery, 1961. – P. 353, 380.
39. Gunter, J. Roosevelt in Retrospect [Text] / J. Gunter. – L.: Harper and Bros., 1950. – P. 388, 389.
40. Kennan, G. F. American Diplomacy, 1900–1950 [Text] / G. F. Kennan. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 74.
41. Gaddis, J. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security [Text] / J. Gaddis. – N.Y.: Oxford University Press, 1982. – P. 9.
42. Hammond, P. The Cold War Years: American Foreign Policy Since 1945 [Text] / P. Hammond. – N.Y.: Oxford University Press, 1969. – P. 9.
43. Fisher, L. The Road to Yalta: Soviet Foreign Relations, 1941–1945 [Text] / L. Fisher. – N.Y.: Harper & Row, 1972. – P. 1-2, 193.
44. Howe, Q. Ashes of Victory. World War II and Its Aftermath [Text] / Q. Howe. – N.Y.: Simon and Schuster, 1972. – P. 301–302.
45. Mee, Ch. Meeting at Potsdam [Text] / Ch. Mee. – N.Y.: Evans, 1975. – P. XIII-XIV.
46. Кеннан, Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР [Текст]. – М.: Центрполиграф, 2002. – С.168.
47. Neumann, W. L. After Victory: Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making the Peace [Text] / W. L. Neumann. – N.Y.: Harper & Row, 1967. – P. 172.
48. Druks, H. Harry S. Truman and the Russians, 1945–1953 [Text] / H. Druks. – N.Y.: Speller a. Sons, 1966. – P. 63.
49. Feis, H. Between War and Peace: The Potsdam Conference [Text] / H. Feis. – Princeton: Princeton University Press, 1967. – P. 272.
50. Alperovitz, G. The Decision to Use the Bomb and the Architecture of an American Myth [Text] / G. Alperovitz. – N.Y.: Knopf, 1995.